

Курт Воннегут

Курт
Воннегут

Пока смертные спят

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Coe)-44
В73

Серия «XX век — The Best»

Kurt Vonnegut
WHILE MORTALS SLEEP
Перевод с английского

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения издательства Dial Press,
an imprint of Random House, a division of Penguin Random House LLC
и литературного агентства Nova Littera SIA.

Воннегут, Курт.

В73 Пока смертные спят : [сборник : перевод с английского] / Курт Воннегут. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 256 с. (XX век — The Best).

ISBN 978-5-17-097604-1

Шестнадцать умных, тонких и неожиданно трогательных рассказов раннего Воннегута, замечательным образом объединивших юношеский азарт и свежесть чувств, свойственные молодости, и все лучшее, что отличало перо уже зрелого мастера — филигранную прорисовку сюжета, фирменный «черный» юмор и несгибаемый оптимизм. Несмотря ни на что и вопреки всему — потому что завтра, как говорит одна из его героинь, будет уже другой день.

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Kurt Vonnegut, Jr., Trust, 2011
Школа перевода Баканова, 2016
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2016

ISBN 978-5-17-097604-1

ДЖЕННИ*

Джордж Кастро заезжал в главный комплекс «Фабрики домашней техники» не чаще раза в год — чтобы установить свое оборудование в корпус новой модели холодильника ФДТ и бросить листок в ящик «Пожелания и предложения». Из года в год на листке было одно и то же: «Почему бы не придать следующему холодильнику очертания женской фигуры?» — и карандашный набросок такого холодильника со стрелочками, указующими, где будет отсек для овощей, для сливочного масла, для кубиков льда и всего прочего. Джордж и название для такой модели придумал — «Няма-Мама».

В руководстве воспринимали это как искрометную шутку, потому что весь год Джордж проводил в разъездах, болтая, танцуя и распевая песни с холодильником, имеющим очертания холодильника. Холодильник звали Дженни. Джордж сконструировал Дженни еще в те дни, когда был постоянным сотрудником исследовательской лаборатории ФДТ.

Дженни и Джордж разве только не поженились. Жили они вместе в кузове фургончика, загруженного преимущественно ее электронными мозгами. У Джорджа была койка, одноконфорочная плитка,

* ©Перевод. Евгения Алексеева, 2015

трехногий табурет, стол и небольшой шкафчик, запирающийся на ключ. И еще коврик для ног, который он неизменно выкладывал прямо на землю, паркуя фургон где-нибудь на ночь. Надпись на коврике гласила: «Дженни и Джордж». В темноте она светилась.

Дженни и Джордж исколесили все Соединенные Штаты и Канаду, путешествуя от одного магазина товаров для дома к другому. Они устраивали представления — пели, плясали, шутили, — а когда вокруг них собиралась толпа, начинали рекламировать прочие изделия «Фабрики домашней техники», которые просто стояли в сторонке.

Этим Дженни и Джордж занимались с тысяча девятьсот тридцать четвертого года. Когда я закончил колледж и поступил сюда на работу, Джорджу было шестьдесят четыре; послушав, как щедро ему платят, какую вольную жизнь он ведет и как весело и играючи убеждает людей покупать домашнюю технику, я подумал: вот он, самый счастливый человек в компании.

Я много слышал о нем, но никогда не видел — до тех пор, пока меня не перевели в Индианаполис. Однажды утром к нам в офис пришла телеграмма. Дженни и Джордж были где-то в наших краях. Нас просили разыскать их и сообщить Джорджу, что его бывшая жена при смерти и хочет его видеть.

Я удивился — никогда не слышал ни о какой жене. Но кое-кто из наших старожиллов ее помнил. Джордж прожил с ней полгода, а затем подхватил Дженни и скрылся за горизонтом. Ее звали Нэнси. Плакала она недолго — тут же вышла замуж за его лучшего друга.

Обязательство разыскать Дженни и Джорджа я взял на себя. В компании не знали, где именно они в данный момент находятся, — Джордж сам составлял себе

маршрут и расписание. Его перемещения кое-как отслеживались лишь по приходящим счетам за расходы и восторженным письмам от торговых агентов и владельцев магазинов.

Почти в каждом письме говорилось о каком-то новом трюке, которому научилась Дженни. Джордж колдовал над ней всякую свободную минуту, словно сама его жизнь зависела от того, сможет ли он сделать ее еще больше похожей на человека.

Я позвонил нашему агенту по центральной Индиане Хэлу Флоришу. Спросил, не знает ли он, где сейчас Дженни и Джордж. Хэл оглушительно расхохотался в трубку и ответил, что да, еще как знает. Они прямо тут, в Индианаполисе, в универмаге товаров для дома «Гузьер». С утра пораньше остановили движение на Норт-Мэридиан-стрит, решив прогуляться по ней под ручку.

— На Дженни новая шляпка и желтое платье с корсажем, а Джордж весь расфуфыренный в этом своем фраке, желтых гамашах и при тросточке. Живот надорвешь! А представляете, как он теперь узнает о садящихся батареях?

— Как, сэр?

— Она зевает! И наполовину прикрывает глаза!

Я добрался до универмага «Гузьер» как раз к началу первого представления Дженни и Джорджа. Было чудесное утро. Джордж стоял на тротуаре в теплых лучах солнца. Он облокотился на капот фургона, перевозившего электронные мозги Дженни, и пел. Они с Дженни исполняли дуэт из бродвейского мюзикла «Розмари», и получалось у них весьма неплохо. Джордж пел рокочущим баритоном, Дженни от дверей универмага отвечала ему тоненьким девическим сопрано.

Владелец универмага Салли Гаррис стоял рядом с Дженни, приобняв ее одной рукой. Он курил сигару и подсчитывал собравшихся зрителей.

На Джордже был фрак и желтые гамашы, которые так развеселили Хэла Флориша. Фалды фрака волочились по земле, гротескно длинный белый жилет застегивался на уровне колен, а манишка задралась Джорджу к подбородку, как поднятые жалюзи. Его клоунские ботинки напоминали босые ноги размером с лопасть весла каноэ. «Ногти» были выкрашены в цвет пожарной машины.

Впрочем, Хэл Флориш, подобно многим, смеялся любой шутке — просто потому, что это шутка. На самом деле Джордж был совсем не смешон, особенно если присмотреться повнимательней. А я разглядывал его очень внимательно — все-таки я не развлекался сюда приехал, а привез безрадостные вести. Я смотрел на него и видел стареющего маленького человека, совсем одного в этой юдоли печали. Я видел маленького человека с большим носом и тоскливыми карими глазами.

Большинство в толпе находили его очень смешным — обхохочешься. Мало кто видел то же, что и я. В их улыбках сквозили печаль и сочувствие. И любопытство — как же Дженни работает?

Дженни функционировала на радиоуправлении, а кнопки скрывались в тех самых дурацких ботинках — Джордж нажимал на них пальцами ног. Кнопки передавали сигнал мозгам Дженни в фургоне, мозги сообщали ей, что делать. Никаких проводов между ними не было.

И я не мог поверить, что Джордж вообще как-то на нее воздействует. В ухе у него виднелся маленький розовый наушник — так Джордж слышал все, что го-

ворила Дженни, даже если до нее была сотня футов. А в оправу своих очков он вмонтировал маленькие зеркала и таким образом мог повернуться к Дженни спиной и видеть все, что с ней происходит.

Закончив песню, Дженни выбрала меня в качестве объекта внимания.

— Привет, высокий темноволосый красавец. Что, сломался холодильник, пришлось из дома выходить?

На верху дверцы у нее было сделанное из губки лицо, в котором прятались пружины и громкоговоритель. Лицо смотрелось до того настоящим, что я почти был готов поверить: в холодильнике, выглядывая в окошко, сидит живая прекрасная женщина.

Я поддержал игру.

— Слушайте, миссис Франкенштейн, не пойти ли вам куда-нибудь в уголок и не заняться ли производством льда? Мне надо потолковать с вашим боссом с глазу на глаз.

Ее лицо из розового сделалось белым, уголки дрожащих губ поползли вниз. Дженни прикрыла глаза, словно не желая видеть такого отвратительного грубияна. А потом, ей-богу, она выжала две здоровенные слезы! Они скатились с ее щек по белой эмали дверцы на пол.

Я улыбнулся и подмигнул Джорджу, выражая ему свое одобрение и давая понять, что мне действительно нужно с ним поговорить.

Он не стал улыбаться в ответ. Его задело то, как я обошелся с Дженни. Честное слово, можно подумать, я плюнул в глаза его матери или сестре.

Парнишка лет десяти подошел к Джорджу и заявил:

— А я знаю, как она у вас работает. У нее внутри сидит карлик.

— Так и есть, — вздохнул Джордж. — Ты первый догадался. Ну, раз теперь все знают, можно выпустить карлика.

И он поманил Дженни, чтобы она подошла.

Я думал, что она будет ковылять вразвалочку и лязгать, как трактор, все-таки весила она семьсот фунтов. Но походка у нее оказалась легкая, под стать прекрасному лицу. Никогда мне еще не приходилось видеть такого яркого примера триумфа духа над материей. Я забыл, что передо мной холодильник. Я видел только ее.

Она подрулила к Джорджу и нежно спросила:

— Что такое, милый?

— Нас раскусили. Этот умный мальчик понял, что ты просто карлица внутри холодильника. Словом, вылезай, проветришься, познакомься с приятными людьми.

Он придал своему голосу ровно столько неуверенности и напустил на себя ровно такой мрачный вид, что публика уже приготовилась и в самом деле увидеть карлицу.

Что-то зажужжало, щелкнуло, и дверца распахнулась. Внутри у Дженни не было ничего, кроме холодного воздуха, нержавеющей стали, фарфора и стакана апельсинового сока. Контраст потрясал — такая красота и обаяние снаружи и такая холодная пустота внутри.

Джордж отхлебнул апельсинового сока из стакана, поставил его назад в Дженни и закрыл дверцу.

— Приятно видеть, что в кои-то веки ты добровольно пьешь что-то витаминное, — проворчала Дженни, как ворчат горячо любящие своих непослушных мужей жены. — Вы бы знали, чем он питается! Удивляюсь, как он до сих пор не умер от цинги или от рахита!

Все-таки, если задуматься, самым поразительным во всем этом представлении была реакция публики. Только что Джордж наглядно продемонстрировал, что Дженни — просто холодильник, и вот двадцать секунд

спустя они снова видят в ней живого человека. Женщины сочувственно кивают — уж им ли не знать, как тяжело заставить упрямого взрослого мужчину следить за своим питанием. Мужчины тайком бросают на Джорджа понимающие взгляды — ох уж эта несносная женская опека, ей-богу, как с детьми малыми!

Единственным, кто не купился на этот спектакль, кто не хотел быть обманутым даже ради собственного удовольствия, был тот самый мальчик. Задетый тем, что ошибся, он был твердо намерен разоблачить шарлатана и открыть всем правду — Правду с большой буквы «П». Когда-нибудь этот мальчик станет ученым.

— Ладно, — крикнул он, — если карлика нет, тогда я точно знаю, как она работает!

— Как, солнышко? — поинтересовалась Дженни.

Она с живейшим интересом приготовилась слушать, какие еще идеи есть в умненькой головенке юного дарования. Мальчик разозлился сильнее и выпалил:

— Она на радиоуправлении!

— О-о-о! — Дженни пришла в полный восторг. — Вот это было бы просто шикарное решение!

Мальчишка побагровел.

— Можете сколько угодно шуточки шутить, только я прав. — Он повернулся к Джорджу и спросил с вызовом: — А ваше какое объяснение?

Джордж ответил ему так:

— Три тысячи лет тому назад султан Алла-Бакара полюбил рабыню — мудрейшую, нежнейшую и прекраснейшую из женщин: Дженни. Старый султан понял, что на его земле постоянно будет идти кровопролитие — ведь всякий мужчина, увидевший Дженни, от любви к ней сходил с ума. И тогда султан повелел своему придворному волшебнику извлечь дух Дженни из тела и поместить в бутылку, а бутылку запер в со-

кровищнице. В тысяча девятьсот тридцать третьем году Лайонел Хартлайн, президент «Фабрики домашней техники», совершая деловую поездку в легендарный Багдад, купил там сувенир — диковинную бутылку. Он привез бутылку домой, открыл ее, и дух Дженни вырвался на свободу — после трех тысяч лет заточения. Я в то время работал в исследовательской лаборатории компании. Мистер Хартлайн спросил меня, что я могу предложить в качестве нового тела для Дженни. Я взял корпус холодильника, сделал для него лицо, голос, ножки — а оживил его уже сам дух Дженни.

Сказка была настолько глупая, что она вылетела у меня из головы, едва я перестал смеяться. И лишь много недель спустя я сообразил, что Джордж вовсе не придумал небылицу на ходу. Напротив, он изложил историю Дженни так близко к истине, как прежде еще не осмеливался. Просто изложил ее поэтическим языком.

— И — вуаля! — вот она перед вами, — закончил Джордж.

— Враки! — крикнул мальчик.

Но публика его не поддержала, таких никогда не поддерживают.

Дженни тяжело вздохнула, вспоминая три тысячи лет, проведенные в бутылке.

— Ну, что было, то было. Ни к чему плакать о пролитом молоке. Теперь у меня новая жизнь. И представление еще не закончено.

Она поплыла ко входу в универмаг, и вся толпа, кроме нас с Джорджем, побрела за ней, как дети за мамочкой.

Джордж, как обычно, управляя партнершей с помощью пальцев на ногах, нырнул в кабину своего фургона. Я подбежал и сунул голову в окно. Сквозь ботин-

ки Джорджа было видно, как он быстро шевелит пальцами, и Дженни болтала без умолку. В руках Джордж держал бутылку и в девять часов солнечного ласкового утра пил прямо из горла.

Утерев выступившие слезы и подождав, пока горло перестанет драть, он проговорил:

— Ну, чего уставился, мальчик Джимми? Ты разве не видел — я выпил апельсиновый сок как паинька. Никто не скажет, что я налакался до завтрака.

— Прошу прощения.

Я отошел от фургона, чтобы дать Джорджу — и себе — время прийти в чувство.

— Когда я увидела этот прекрасный холодильник в лаборатории, — неслось щебетание Дженни из открытых дверей универмага, — я сразу поняла: вот идеальное белое тело для меня. — Она посмотрела на нас с Джорджем, умолкла, и на секунду ее широкая улыбка погасла. — О чем там я?..

Джордж не собирался вылезать из кабины. Сквозь ветровое стекло он смотрел на что-то очень гнетущее в пяти тысячах миль отсюда. И явно был готов провести так весь день.

Наконец у Дженни закончились шутки для развлечения толпы. Она подошла к фургону и позвала:

— Милый, ты идешь?

— Лучше не жди, — буркнул Джордж, не повернув головы.

— У тебя все хорошо? — неуверенно спросила Дженни.

— Просто чудесно, — ответил Джордж, по-прежнему глядя сквозь ветровое стекло. — Лучше некуда.

Еще надеясь, что это часть обычной программы, я изо всех сил старался найти в происходящем что-

то смешное и остроумное. Но Дженни больше не играла на публику. Она вообще стояла к зрителям спиной. Не играла она и для меня. Она играла для Джорджа, а Джордж играл для нее, и они продолжили бы эту игру, даже оказавшись в пустыне Сахара один на один.

— Милый, там собрались очень приятные люди, они все ждут тебя.

Дженни смутилась. Ей было ясно, как белый день, что я застукал ее партнера с бутылкой.

— Вот радость-то.

— Милый, надо продолжать шоу.

— Зачем?

Прежде я даже не подозревал, до чего невеселым бывает то, что называют «невеселым смехом». Дженни невесело рассмеялась, убеждая толпу, что происходит нечто совершенно уморительное. Звук был такой, будто кто-то колотит молотком бокалы для шампанского. До мурашек пробрало не одного меня. Пробрало всех присутствующих.

— А вы... вы что-то хотели, молодой человек? — спросила меня Дженни.

Я подумал — была не была. Если к Джорджу взывать бесполезно, значит, поговорим с Дженни.

— Я из вашего отделения в Индианаполисе. У меня новости о его жене.

Джордж обернулся.

— О ком?!

— О вашей... бывшей жене.

Зрители высыпали из магазина обратно на улицу и теперь стояли на тротуаре, растерянно переминаясь в ожидании новых шуток. Это определенно был крайне паршивый способ продавать холодильники. Салли Гаррис начал злиться.

— Я не слышал о ней двадцать лет, — проговорил Джордж. — И вполне комфортно могу не слышать еще столько же. Хотя все равно спасибо. — И он снова уставился в ветровое стекло.

По толпе прокатился нервный смешок. Салли Гаррис вздохнул с облегчением.

Дженни подошла ко мне и, толкнув меня боком, тихо спросила уголком рта:

— Что с Нэнси?

— Она серьезно больна, — прошептал я. — Похоже, умирает. И хочет увидеть его в последний раз.

Низкий гул, доносившийся из кузова фургона, вдруг смолк — мозги Дженни отключились. Ее лицо превратилось в мертвую резиновую губку и сделалось таким же глупым, как лицо любого манекена в витрине. Желто-зеленые лампочки в голубых стеклянных глазах погасли.

— Умирает? — переспросил Джордж.

Он распахнул дверь кабины, чтобы глотнуть воздуха. Большой кадык на тощем горле так и бегал вверх-вниз. Глянув на зрителей, Джордж сделал слабый жест, прогоняя их прочь.

— Все, народ, представление закончено.

Но люди не расходились. Они были ошарашены тем, как в такую веселую игру понарошку вдруг ворвалась несмешная реальная жизнь.

Джордж сбросил клоунские ботинки в знак того, что никаких больше фокусов сегодня не будет. Говорить он не мог. Он просто сидел в кабине боком, глядя на свои торчащие наружу босые ступни. Ступни были узкие, костлявые и синюшные.

Толпа начала разбредаться. День у этих людей начинался с тягостной ноты. Мы с Салли Гаррисом остались у фургона ждать. Салли Гаррис был раздавлен случившимся с публикой.